

Пакистан:

заботы

и надежды

В конце прошлого года два советских журналиста — специальный корреспондент нашего журнала Е. Глуценко и специальный корреспондент газеты «Известия» А. Тер-Григорян — были приглашены Департаментом информации прессы Пакистана посетить страну. Эта статья — результат их поездки.

Е. ГЛУЦЕНКО, А. ТЕР-ГРИГОРЯН

МОСТ НАД ИНДИЕЙ

В КАПТАИ, на берегу голубой Карнафули, мы сидели в деревянном клубе энергетиков, слушали темпераментные бенгальские песни, любовались безыскусными танцами местных племен. Вечер был импровизированным — просто на электростанцию приехало одновременно несколько иностранных гостей. Им решили доставить удовольствие.

— Нам пора, — сказал мистер Кафил, служащий Департамента информации прессы, наш гид и хозяин. — Иначе к утру не доедем до Читтагонга.

Мы вышли в черную и прохладную ночь. Хищные зубцы гор, отполированные луной, впелись в сероватую мякоть неба. Все вокруг было удивительно спокойным, гладким и лунным, и даже наша «Тойота» светилась каким-то нездешним блеском.

— Подождем немного, — заговорщически прошептал мистер Кафил, — пусть он закончит свое дело.

Наш шофер совершал намаз. Стоя на коленях, воздевал руки к небу, потом припадал лицом к земле. Слов молитвы мы не слышали — шофер находился шагах в тридцати от нас. Надо ли говорить, какие масштабы приобретала одинокая фигура молящегося бенгальца, посеребренная луной?

Только что артисты местной «самодеятельности», выступавшие перед нами, исполнили, кроме бенгальских, несколько пенджабских песен и массовый танец, символизирующий единение Западного и Восточного Пакистана.

Интеграция — тяжелейшая проблема, никогда не стоявшая ни перед одной страной так остро, как перед Пакистаном. Ведь Восточный Пакистан отделяют от Западного просторы огромной Индии. Бенгальцы, населяющие Восток, пожалуй, лишь молятся, как их сограждане на Западе. Другой язык, другие обычаи, другая культура. Связь только по воздуху и морем делает языковые барьеры неустрашимыми, осложняет экономическую кооперацию. Вот почему ислам, по мнению всех наших собеседников, долго еще будет основой единства пакистанской нации. Это мост над Индией.

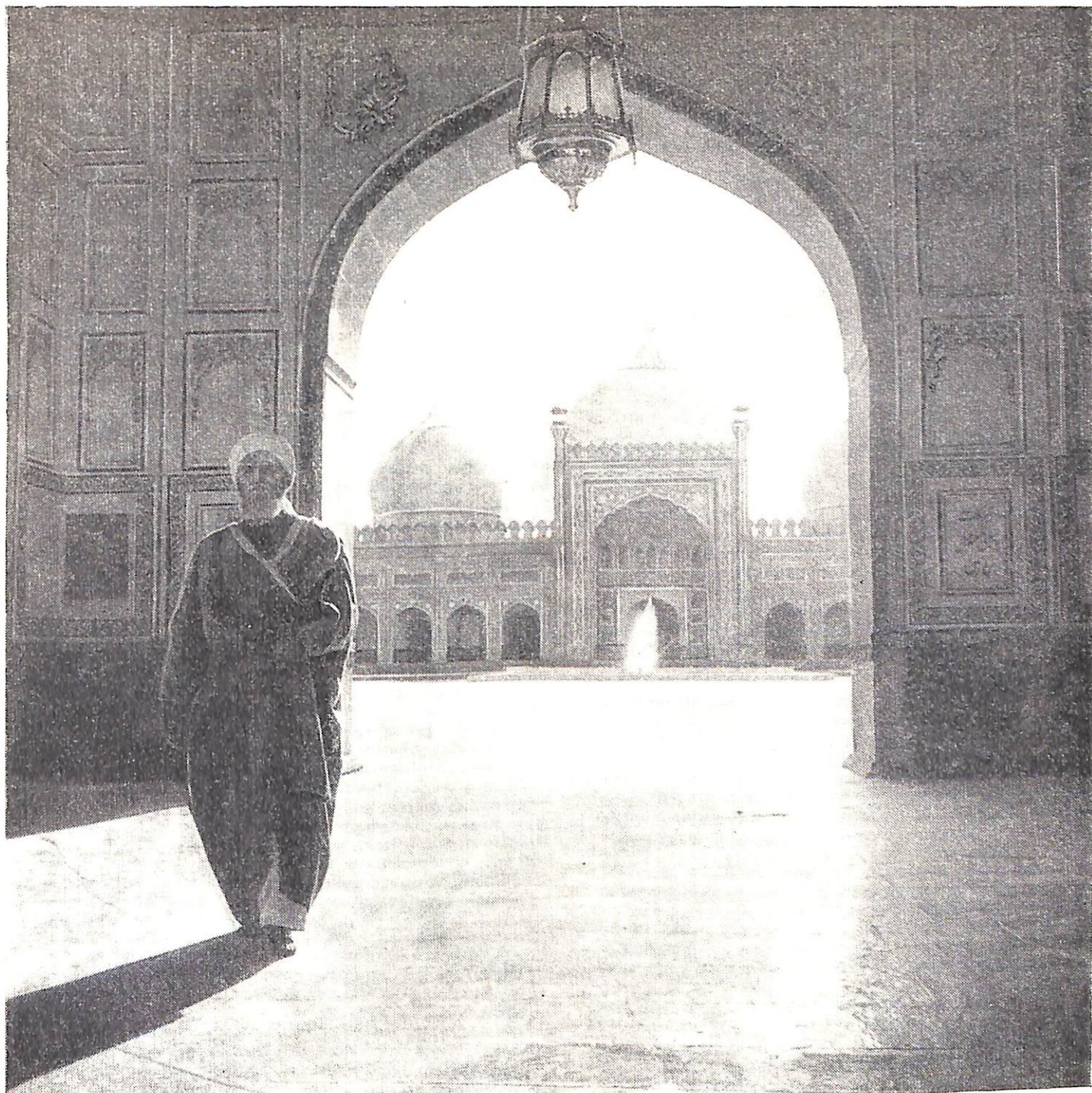
«Что значит ислам?», «Исламский путь в жизни», «Ислам — идеология миллионов» — под такими заголовками газеты и журналы в обеих частях Пакистана постоянно помещают обширные статьи. Руководители страны стремятся превратить ислам в единую общенациональную идеологию.

В литературной академии имени Назрула Ислама в Дакке (столице Восточного Пакистана) поэты — последователи вежкого бенгальца — формулировали свое кредо примерно так: ислам — нечто большее, чем религия, это общий путь в будущее. Но этот взгляд на ислам в сегодняшнем Пакистане уживается с фанатическими религиозными шествиями, с древними обрядами. Сегодня одно здесь еще не противоречит другому. Ислам утонченно-философский и варварски средневековый отражает колоссальную разницу в уровне развития интеллигенции и широких масс. Постепенно просвещение и общий прогресс скажут свое слово. Что касается интеллигенции, ее интерпретация ислама как национально-гуманистического мировоззрения устраивает сегодня и власть и оппозицию.

Кстати об оппозиции. Она не представляет собой единого целого. Власти подвергаются критике и справа и слева. Часть восточнопакистанской крупной буржуазии требует права на самостоятельное развитие.

Через несколько дней после нашего отъезда из Пакистана в Пешаваре на митинге было совершено покушение на жизнь президента, затем начались беспорядки в Лахоре, Равалпинди и в Дакке. Правительство вынуждено было принять чрезвычайные меры, и в частности арестовать бывшего министра иностранных дел Бхутто (впоследствии освобожден) и главу Национальной народной партии Абдула Вали Хана.

Заметной фигурой оппозиции стал отставной маршал авиации Асгар Хан, которого многие обозреватели считают возможным кандидатом в президенты на будущих выборах. Однако все критики нынешнего руководства страны избегают в своих выступлениях оценок внешней политики. Это примечательно. Внешняя политика Пакистана — не очень удобный объект для критики. Ее позитивные стороны завоевывают в мире все большее признание.

Лахорская мечеть Бадшахи вмещает более 100 тысяч молящихся. Она построена в XVII веке, в годы расцвета державы Великих Моголов.
Фото ТАСС

Принявший нас государственный секретарь по иностранным делам господин Юсуф отметил, что Пакистан не желает быть фактором, влияющим на отношения между великими державами, что участие в СЕАТО является сегодня в значительной степени формальным, и всячески подчеркивал желание Пакистана дружить с Советским Союзом, укреплять связи с другими странами.

ДРЕВНЯЯ СЛАВА СТРАНЫ

Когда самолет подлетает к Лахору и начинает снижаться, делая круг за кругом, становится хорошо виден город и его окрестности. Среди сельских домов выделяются обнесенные красной стеной дворы с небольшой того же цвета трубой посередине. Это «приусадебные» кирпичные заводы, их вокруг

Лахора очень много, наверное, по одному на три-четыре дома. Так, с воздуха, начинается наше знакомство с мелкой промышленностью Пакистана, которая по сей день играет немаловажную роль в экономике страны. Когда Пакистан переступил в 1947 году порог независимости, 75 процентов его промышленной продукции давали мелкие и крошечные предприятия.

Предприятиями мелкой промышленности здесь считаются фабрики, которые используют ручной труд и машинную энергию, чьи фонды не превышают 500 тысяч рупий. Очень часто это просто кустарные мастерские, расположенные в маленьких городах и сельской местности. Испокон веков пакистанские крестьяне, как и европейские, устанавливали в своих домах ручные станки и в те месяцы, когда в полях работы было мало, выделывали ткани для себя и на продажу. «Муслин», производившийся на территории Восточного Пакистана (Бенгалия), был в свое время знаменит по всему миру, в Древнем Риме его знали как «*Seriee vestes*», в него одевались самые знатные дамы империи. Ткань, которая называлась «утренняя роса», изготовлялась настолько тонкой, что ее можно было целым куском в 10 метров шириной протянуть сквозь обручальное кольцо.

В колониальные времена продукция бенгальских ткачей вступила в конкуренцию с манчестерскими тканями и вынуждена была сдать. Деревенское ткачество стало приходить в упадок, однако совсем не погибло — сегодня в Восточном Пакистане насчитывается 265 тысяч ручных ткацких станков (90 тысяч — в Западной провинции). На этих станках занято более полутора миллионов человек, которые на 85 процентов удовлетворяют нужды страны в текстиле.

Традиции кустарного производства нынешнее правительство Пакистана решило поддержать и развить. В обеих провинциях были созданы специальные корпорации развития мелкой промышленности, которые получили в свое распоряжение капитал, землю и штаты. Эти корпорации стремятся приспособить мелкую промышленность к изменяющимся условиям и нуждам страны. Государство через корпорации дает мелким предпринимателям и кустарям кредиты, снабжает их инструкциями, сырьем, образцами. Корпорации создают государственные колонии, в которых строят небольшие фабрики, изготовляющие сельскохозяйственные орудия, спортивный инвентарь, хирургические инструменты, электроприборы и другие необходимые в быту товары.

Особым вниманием правительства пользуются кустари, производящие различные сувениры, так как их продукцию можно экспортировать за рубеж, а значит, получать валюту. При каждой из двух корпораций есть конструкторские бюро, где создают новые образцы и модернизируют старые. За столами, на которых разложены кусочки дерева, металлические детали, большие листы бумаги, сидят тихие молодые люди и сосредоточенно работают. Иногда они ездят по деревням и собирают там различные сельские поделки, срисовывают орнаменты со стен старых мечетей, а потом в Лахоре или Дакке изготовляют образцы ковров, шкатулок, статуэток.

ГОСУДАРСТВО И КАПИТАЛ

В Пакистане заботились и заботятся о мелкой промышленности, но основные надежды возлагают на крупную. После раздела 1947 года Пакистан ока-

зался бедной, промышленно неразвитой страной даже по сравнению с Индией. Крупные предприятия той поры можно перечислить почти по пальцам: 14 хлопчатобумажных, три швейные и три кожевенные фабрики, один нефтеперерабатывающий, два стекольных, три цементных и 11 сахарных заводов. Вот и все. В стране фактически отсутствовали важнейшие отрасли промышленности. По производству стали, например, Пакистан уступал Индии в 500 раз. В 1949—1950 годах обрабатывающая промышленность давала 5,9 процента валового национального продукта, а горнодобывающая — всего лишь 0,1 процента. С этого уровня приходилось начинать.

Теперь, видимо, можно говорить о промышленном перевороте, происходящем в Пакистане. В последние 15 лет крупная промышленность росла в среднем на 15 процентов в год, и ее доля в валовом общественном продукте возросла с 1,4 до 7,1 процента.

После 1958 года правительство стало уделять особое внимание развитию промышленности. Государство взяло на себя строительство больших заводов и фабрик, так как частный капитал оказался на первых порах слабым и робким. Правительство изыскивало средства внутри страны, брало займы за рубежом, подчас очень большие, и строило, строило. Так появились джутовые, бумажные, текстильные фабрики, химические, машиностроительные и металлургические заводы. После того как то или иное крупное предприятие становилось прибыльным, правительство стремилось продать его частной фирме. Такова установившаяся политика властей в промышленности: развитие частного сектора с помощью государственных корпораций промышленного развития.

Руководители Пакистана постоянно подчеркивают, что частное предпринимательство играет основную роль в развитии страны.

В сегодняшнем Пакистане всюду чувствуется устойчивое продвижение промышленности, будь то искромсанная оврагами равнина под Равалпинди или поросшие лесом холмы Восточной провинции.

...Река Карнафули вьется меж зеленых гор. Где-то стучат — рубят лес, эхо звенит над водой. Еще поворот, и перед нами фабричные корпуса бумажной фабрики, которую купила у правительства группа Дауда — одно из самых крупных частнокапиталистических объединений. Здесь производят бумагу из бамбука и вискозную пряжу. Мы идем из одного цеха в другой: грохочут на транспортере куски бревен, несущиеся под нож, прозрачным потоком струится жидкая масса, вот-вот готовая стать бумагой.

Капиталистические группы подобные семейству Дауда, Адамджи, Испахани начинают приобретать монопольное положение в пакистанской экономике. Главы таких групп выдвигают на руководящие посты своих родственников, создавая замкнутые кланы. Это обстоятельство тревожит правительство. Составители третьего пятилетнего плана Пакистана (1965—1970 годы) пишут в сводном объяснении к плану: «Большая часть капитала сосредоточивается в руках нескольких семей крупных промышленников. Используя свою растущую экономическую мощь, эти семьи раньше других имеют возможность воспользоваться кредитными услугами коммерческих банков и специальных финансовых учреждений. Это сдерживает процесс расширения контингента владельцев промышленного капитала, а также вызывает настойчивые требования о лучшем распределении доходов». Поэтому правительство считает необходимым договориться с крупными

промышленниками о подборе способных руководителей вне их семей, а также заставить коммерческие банки выдавать большую часть своих ссуд мелким вкладчикам, чтобы таким образом создавать новых промышленников.

В документах плана записано: «Необходимо принять законодательные и административные меры для того, чтобы предотвратить образование картелей и усиление монополий. Правительство уже издало приказ о том, что промышленники не имеют права контролировать такие финансовые учреждения, как банки и страховые компании».

Именно боясь монополизации экономики, государство стремится сохранить контроль над особо важными звеньями хозяйства, над транспортом, банками, радио- и телепромышленностью. Не случайно планирование стало одной из важнейших забот государства. Сейчас страна выполняет свой третий пятилетний план, и уже разрабатывается четвертый. Пакистан имеет хорошо подготовленных экономистов-плановиков, которые работают под руководством умного и энергичного доктора Ахмада, заместителя председателя плановой комиссии¹.

Пакистанские плановики не только составляют задания на пятилетку, но и проводят серьезное научное исследование проблем, публикуя результаты в обширных описаниях планов. В этих описаниях помещаются выводы экономического и социологического анализа, которые должны заинтересовать образованных людей страны. Вот, например, как описывается жилищная проблема в городах: «Анализ жизни городского населения ясно показывает, что пока очень немногие семьи занимают отдельные квартиры. Во многих семьях живут родственники по рождению и браку и даже чужие люди. Причина здесь не столько в недостатке жилья, сколько в традициях и обычаях... Пока невозможно успешно использовать понятие «городская семья» для планировки районов жилищного строительства. Понятие «городская семейная ячейка», которое основывается на совместном приготовлении пищи или наличии общей кухни, в большей степени соответствует социальной организации нашего общества и социально-экономическим условиям нашей страны».

План старается не упустить из поля зрения ни одной сколько-нибудь важной проблемы, пытается учесть интересы различных групп населения.

СРЕДНИЙ КЛАСС

В последние годы валовой национальный продукт Пакистана увеличивался более чем на пять процентов в год, а темпы роста сельского хозяйства были равны 3,5 процента. И то такой прирост был достигнут совсем недавно. Короче, сельское хозяйство пока значительно отстает в своем развитии от промышленности. Его нужно модернизировать, причем это касается как техники обработки земли, так и аграрных отношений. (Кстати, пакистанскую промышленность пришлось создавать на пустом месте, оснащать современным оборудованием, и в этом одна из причин ее быстрого роста и развития.) Урожай пшеницы в Западном Пакистане и риса в Восточном пока еще весьма низки, и государству приходится ввозить зерно из-за границы. Огромное сельское население, составляющее около 85 процентов всех жителей страны, не может пока прокормить ни себя, ни горожан. И хотя с полей Па-

кистана можно снимать два-три урожая в год, тем не менее нехватка продовольствия стала хронической.

Да и вряд ли могло бы быть иначе, поскольку техника обработки земли осталась весьма примитивной, а население за последние 20 лет выросло на 50 миллионов человек. Как и сотни лет назад, крестьяне рыхлят свои наделы деревянной сохой с металлическим наконечником, которую влекут понурые волю.

Химические удобрения почти не применяются. Эрозия почв — явление едва ли не повсеместное. Кроме того, поля Западной провинции постоянно заболочиваются, а на Востоке — страдают от наводнений. Однако дело не только в отсталой технике и способах обработки земли, но и в отношениях между земледельцами и землевладельцами. Феодализм в деревне мешал крестьянину применять новые методы хозяйствования и технику. Что мог сделать убогий арендатор на своей делянке величиной с ладонь? Он повторял приемы, известные его отцу, и целиком зависел от помещика. Феодальные отношения складывались и укоренялись веками. Феодалы не нуждались в переменах, реформы нужны были государству.

Земельная реформа была названа главной, во-первых, потому, что в стране не хватало продовольствия, и, во-вторых, от позиции сельского населения во многом зависела стабильность режима. Арендаторы, движимые страхом потерять землю, как правило, поддерживали крупных латифундистов, которые могли диктовать свою волю правительству. Буржуазия в то время была еще очень слаба политически и экономически. Новое правительство нуждалось в социальной группе, на которую могло бы опереться в первую очередь в сельской местности.

7 февраля 1959 года был принят очень важный закон, который установил максимум земельной собственности — 500 акров орошаемой и тысяча акров богарной земли. Реформа коснулась 902 помещиков, крупных владельцев земли в Пенджабе и Синде, и в результате правительство получило 1,9 миллиона из 7,5 миллиона акров помещицкой земли. Многие собственники ловко перераспределили свои владения и избежали конфискации, однако их влияние оказалось все же подорвано. Освободившиеся земли правительство тут же большими наделами стало продавать крестьянам в рассрочку до 1985 года.

Таким образом, ставка была сделана на «крепкого сельского хозяина», о котором в свое время так мечтал Столыпин. Но реформа, конечно же, не ликвидировала феодализм окончательно. «Моей заботой было не разрушать существующую систему, но улучшить ее настолько, чтобы открыть пути предпринимательству и создать руководящую силу, способную оказывать влияние на сельскую жизнь», — писал Айюб Хан в своей книге.

Хотя правительству удалось создать себе опору в лице богатых крестьян, огромное большинство сельских жителей остались мелкими, полунищими собственниками и арендаторами. Они получают помощь от правительства через кооперативы, которые ссужают их деньгами, зерном, обеспечивают машинами. Кстати, машин на пакистанских полях почти не видно. И власти не спешат механизировать сельское хозяйство, боясь, что тракторы и другие машины сделают ненужными человеческие руки, которых и так в стране излишек. В 1960 году в Восточном Пакистане было 66 тракторов, через шесть лет их стало 123.

¹ Председатель комиссии — сам президент.

СЕМЬЯ И ПЛАН

Несмотря на успехи промышленности и попытки улучшения сельского хозяйства, Пакистан еще довольно долго останется бедной страной. Власти отдают себе в этом полный отчет. «Оплата труда на промышленных предприятиях в Пакистане по разному относится к числу самых низких оплат, существующих в настоящее время в мире. В Восточном Пакистане, например, минимальный месячный заработок квалифицированного рабочего в спичечной промышленности равен 104 рупиям, в текстильной — 75 рупиям, в джутообработывающей — 72 рупиям», — читаем в материалах третьего плана. Крестьяне зарабатывают и того меньше. Как и во многих других городах Азии, по улицам Карачи, Дакки, Пешавара ходят безработные, готовые любым путем добыть пропитание. По официальной статистике, приблизительно одна пятая трудоспособного населения страны не имеет работы. Города заполняют разорившиеся крестьяне и переселенцы из Индии, многие из них не имеют даже крова. Люди скапливаются в отдельных районах. Кое-где создалась угрожающая перенаселенность (в Восточной провинции — до 1500 человек на один квадратный километр).

Правительство хорошо видит опасность бурного роста населения (более трех процентов в год), что фактически сводит на нет прирост промышленности и сельскохозяйственной продукции. Как и в ряде других стран Востока, в Пакистане существует программа ограничения рождаемости. Правительство пытается установить ежегодный прирост населения на уровне двух процентов. В противном случае стране грозит демографический взрыв лет через пятнадцать-двадцать. Сокращением рождаемости занята специальная комиссия, работающая восемь лет. Естественно, что она постоянно сталкивается с противодействием населения. Работники комиссии признают, что многие супружеские пары не находят планирование семьи необходимым и довольно часто хотят иметь как можно больше детей, особенно сыновей, видя в них залог обеспеченной старости. К тому же в сельском хозяйстве сыновья участвуют во всех работах с раннего возраста. Наконец, высокая детская смертность тоже оправдывает стремление иметь больше детей — ведь им далеко не всем удастся выжить.

Комиссия постоянно наталкивается на отказ женщин даже обсуждать интимные стороны их жизни, и в этом сказывается скованность и замкнутость пакистанок, многие из которых до сих пор ходят в чадре и большую часть жизни проводят взаперти. Конечно, они не доверяют врачам и чиновникам, тем более мужчинам; именно поэтому центральной фигурой кампании становится деревенская повивальная бабка «дай», хорошо известная в своей округе.

К 1970 году предполагается подготовить 50 тысяч «дай», которые будут вести агитацию среди женщин. За каждую операцию стерилизации врач и пациент получают сегодня 25 рупий, за менее сложные операции — от четырех до восьми рупий. Противозачаточные средства продаются по сниженным ценам, а 50 процентов выручки идет продавцам в качестве комиссионных.

Организованная пропаганда, подготовка врачей, акушеров, создание специальных пунктов — все это начинает давать результаты, хотя люди до сих пор сопротивляются мерам правительства. «Бывают случаи, — говорил президент в одном из своих выступлений, — когда родители боятся посылать сыновей

в школу, полагая, что их там насильно стерилизуют». Тут сказывается контрпропаганда реакционного духовенства. «Я удивляюсь, — продолжал президент, — как легко наши люди поддаются бессмысленным слухам. Я молю бога, чтобы они все-таки сохранили контроль над своим разумом, так как в нынешнем изменяющемся мире, в этом научном мире невозможно добиться победы, не будучи трезвым рационалистом».

БЛИЗ ХАЙБЕРСКОГО ПЕРЕВАЛА

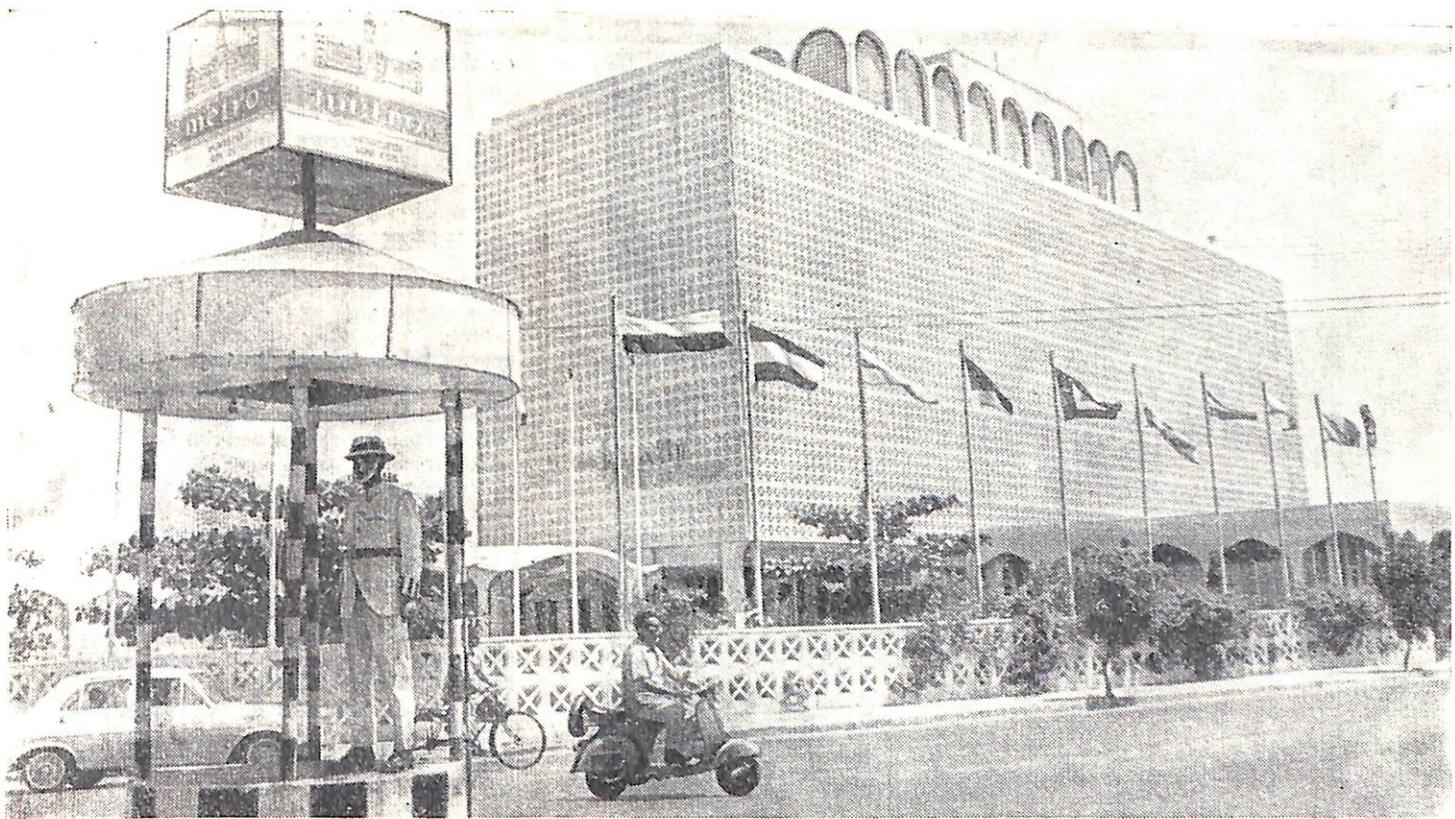
Разделенные Индией пакистанские провинции, как мы уже отмечали, развиты неодинаково: Восток еще во многом отстает от Запада, хотя последние годы центральное правительство старается уменьшить этот разрыв. Разные районы в каждой из двух частей также отличаются степенью развития; особенно отстали так называемые пограничные территории, заселенные местными племенами.

...От Пешавара дорога довольно долго идет по равнине. Горы синеют вдали, приближаются слева, снова отступают и наконец вырастают перед капотом машины. Мы останавливаемся у арки, показываем пропуск и въезжаем в Хайберский район.

Восточный Пакистан, Кокс-Базар. Сигары, приготовленные вручную, идут на экспорт и дают стране валюту.

На пешаварской равнине и в горах живут пуштунские племена афридии, шинвари, шалмани, мулла-гори — те же, что и в Афганистане, по ту сторону границы. Их глинобитные дома напоминают небольшие крепости, с глухими высокими стенами и башнями по углам. Как из настоящих крепостей, из ворот этих жилищ выходят вооруженные бородатые люди в чалмах и направляются в горы. По традиции пуштун не расстается с винтовкой, куда бы ни шел, хотя бы на базар. Оружие изготавливается тут

Компания «Интер-континентал» имеет особые отели в Карачи, Равалпинди, Лахоре и Дакке. Солнечные лучи отражаются от граней бетонного кружева, в номерах всегда прохладно.

Фото В. Егорова (ТАСС)

же, в этих горах, на ручных станках, примитивными сверлами, но от этого оно не бывает хуже заводских образцов, которые, кстати, тщательно копируются.

Пакистанские пуштуны до сих пор соблюдают три основных обычая, общих для всех пуштунских племен; это «нанавати» — право получить убежище, когда уходишь от погони, «бадал» — кровная месть и «мелмастия» — безграничное гостеприимство.

Обычаи эти отнюдь не одинаково ценны, но упразднить худший из них одним правительственным указом невозможно — это сделают время и просвещение, на что и надеются власти. Правительство сохраняет добрые отношения с вооруженными горцами, не вмешивается до поры до времени в их междоусобицы, поручает им даже охрану границы, но за пределы Хайбера выходить с винтовками и револьверами не разрешает. Эти воинственные племена не подчинились в свое время англичанам, и, когда уже все остальные области Индии были окончательно покорены, только в горах у Пешавара английские генералы и администраторы не чувствовали себя хозяевами. Нынешние власти считают, что искоренение дурных обычаев репрессивными мерами привело бы к большим затратам и даже людским потерям.

В этих местах почва бедна, склоны красноватых гор голы, усыпаны камнями. Поэтому правительство в качестве особой привилегии разрешает горцам Хайбера беспопылинную торговлю.

Сегодня Хайбер имеет 56 школ всех ступеней, недавно построены две новые больницы, 11 различ-

ных диспансеров, электростанция, которая дает свет даже в древние дома-крепости.

Прекрасная шоссевая дорога идет от Пешавара вдоль железнодорожной линии, проложенной в начале 20-х годов англичанами, — тогда они прорубили 21 туннель, видимо, решив всерьез заняться непокорным районом. Дорога взбирается в горы, окаймляет пропасти, стремясь к Хайберскому перевалу, пожалуй, самому знаменитому в Центральной Азии. Через него на равнины Индии прошли арийцы, за ними последовали Дарий — царь персидский, Александр Македонский, Бабур — основатель империи Великих Моголов и другие лихие воители, рвавшие к индийским богатствам.

Теперь на перевале, на границе стоит афганский солдат, мимо которого беспрепятственно проходят местные жители. К перевалу возят туристов, они жадно фотографируют горы и пограничный пост, вполуха слушая экскурсоводов.

...Нелегко путь Пакистана из средневековой отсталости в современность. Пути прошлого — социальные, экономические, моральные — еще очень крепки. Чтобы снять их, нужна долгая, кропотливая и очень тонкая работа.

В одном очерке невозможно охватить все стороны этого процесса, проследить все тенденции развития страны. Одно несомненно — пакистанское общество проявляет большую энергию и динамизм. И конечно, Пакистан будущего будет так же разительно отличаться от нынешнего, как новая столица Исламабад с его зданиями из стекла и бетона от закопченных переулков Дакки или Карачи.